

**«ЧТО ЕСТЬ СТУКАЧ? И ЧТО ЕСТЬ ПРОЩЕНИЕ?»
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. МАКАНИНА «ДВЕ СЕСТРЫ И КАНДИНСКИЙ»)**

Перинец Екатерина Юрьевна

*канд. филол. наук, доц. Университета таможенного дела и финансов,
Украина, г. Днепр
E-mail: katrinperinets@gmail.com*

**«WHO IS AN INFORMER? AND WHAT IS FORGIVENESS?»
(BASED ON THE NOVEL OF V. MACANIN «TWO SISTERS AND KANDINSKY»)**

Kateryna Perynets

*Ph.D., University of Customs and Finance,
Ukraine, Dnipro*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается явление доноительства как центральная проблема романа В. Маканина «Две сестры и Кандинский». Писатель представляет типологию героев-стукачей, принадлежащих к разным поколениям, но объединяющихся в знаковом для советского и постсоветского времени феномене стукачества. Выявлено, что герои-доносители обречены на страдания и несут наказание за содеянное, в отличие от своих жертв, способных на великодушие и прощение. Стукачи и их жертвы противопоставлены по принципу наличие – отсутствие дома как психологического маркера их внутренней гармонии.

ABSTRACT

The article deals with the phenomenon of denunciation as the central problem of the novel «Two Sisters and Kandinsky» by V. Makanin. The writer represents a typology of heroes-informers which belong to different generations and unite in the phenomenon of denunciation which is a sign for the Soviet and post-Soviet times. Revealed that the heroes-informers are doomed to suffering and are punished for their deeds in contrast to their victims which capable of generosity and forgiveness. The informers and their victims are contrasted on the principle of the existence – the absence of home as a psychological marker of their inner harmony.

Ключевые слова: доноительство, прощение, герой-стукач, внутренний мир, Маканин.

Keywords: denunciation, forgiveness, hero-informer, inner world, Makanin.

Проблема доноительства – очень сложный феномен, характерный для любого общества и любого отрезка времени. Его можно рассматривать с разных углов – с социальной, философской, психологической, идеологической или морально-этической точки зрения. Но с какой бы стороны не анализировалось данное явление, его главным признаком является неоднозначность и определенная амбивалентность. Закономерно, что репрезентация этой проблемы находит выражение в художественной литературе, чаще всего в антиутопических произведениях. Для русской литературы XX века, развивавшейся по большей части в условиях тоталитарного режима, мотив доноительства становится сквозным – неким характерным знаком эпохи. Эта тема лежит в основе сюжета повестей А. Платонова «Котлован» (1929-1930, 1987), Г. Владимова «Верный Руслан» (1963-1965, 1974), В. Белова «Привычное дело» (1967), романов Л. Улицкой «Зелёный шатёр» (2011), В. Маканина «Две сестры и Кандинский» (2011) и др.

Проблемное поле романа Маканина «Две сестры и Кандинский», который по форме больше тяготеет к жанру пьесы или «почти-пьесы» (М. Кучерская), сфокусировано на переосмыслении советского и постсоветского периода. Подобные жанровые рамки оказались удобными для постановки главных вопросов, озвученных им в интервью: «Что есть сту-

кач? И что есть прощение?» [5]. Примечательно, что эта тема была означена писателем в его романе «Андеграунд, или герой нашего времени» (1998), но именно в «Двух сёстрах...» она находит творческое осмысление и завершение.

Следует отметить, что последний роман Маканина исследован достаточно мало, за исключением рецензий (М. Кучерская [5], Д. Бавильский [1], Н. Иванова [3], Е. Данилова [2]), а также рассмотрения в контексте проблемы «московского текста» (Е. Перинец [9]). Маканинский роман как объект интертекстуального анализа представлен в публикациях О. Калашниковой [4] и Е. Перинец [10]. Центральная проблема произведения – феномен доноительства и феномен прощения отдельно не рассматривались учёными, хотя необходимость подобных работ давно назрела.

Поэтому главной целью данного исследования является попытка психологического анализа героев-доносчиков и их жертв, что позволит, по нашему мнению, глубже понять внутренний мир «героев времени» и их трансформацию в современном социуме.

Само место действие произведения – полуподвальная студия живописи, названная в честь художника Кандинского К-студия, бывшая в советское время андеграундным убежищем, аллегорично намекает на связанную с инакомыслием проблему стука-

чества. Симптоматично, что атмосфера диссидентства привлекает разных типов стукачей.

Первым в этой галерее появляется новоявленный политик Артём Константинович Сигаев по прозвищу Артем Константа. Некая знаковость и марионеточность этого образа подтверждается неизменным существованием «серого кардинала», некоего его Босса, «могучего спонсора» и «денежного мешка» [7, с. 13]. Но случайные слова подростка Коли, запомнившего Сигаева в кабинетах КГБ с письменным доносом, делают невозможной его политическую карьеру. Страх быть схваченным властями после так называемой «Бульдозерной выставки» 1974 года толкает Артёма в кабинеты спецслужб с политическим доносом [8, с. 67]. Чувство раскаяния и осознания своей глупости уже не могут повлиять на его несостоявшееся блестящее будущее политика. Обличение неосознанного стукачества оказывается наказуемым – Артём Константа уезжает в родной провинциальный город. Схожая ситуация представлена в эссе Маканина «Художник Н.» (2013), демонстрируя доноительство как типичность советского времени, когда многие (особенно, интеллигенты) попадали в ловушки спецслужб.

Другой вариант стукачества представлен в образе юного беспризорника Коли Угрюмцева. Пригретый из жалости в К-студии, обличенным им Артёмом Константой, подросток случайно раскрывает правду о новоявленном политике. Но мальчик искренне раскаивается в содеянном, чувствуя свою вину: «Это я в-виноват... Я н-нечаянно... Расхвастался п-памятью. Хотелось чем-то п-похвастать» [7, с. 114]. Именно хвастовство своим пребыванием в школе КГБ и наставления майора Семибратова способствуют неумышленному раскрытию правды о Сигаеве. Подобные упоминания отсылают к советскому периоду с его типичными «обучающими программами» для будущих доносчиков. Уже через год характер Угрюмцева с говорящей фамилией меняется – он становится озлобленным и жестоким. Поведение данного персонажа неоднозначно: «Заика, тупой, с плохой памятью, как говорит он о себе. И самый мастеровитый, самый наблюдательный, самый умный, самый циничный во всей этой стукаческо-диссидентской карусели. Его слова точны, как укол анестезиолога, его наблюдения убийственны, как наблюдения охотника за жертвой» [2]. Примечательно, что Коля Угрюмцев может быть представлен как двойник другого маканинского персонажа – Кольки Мистера из повести «Голоса» (1982). Их сходство проявляется в необходимости стремительной адаптации к внешним обстоятельствам: Колька Мистер вынужден выживать в голодные послевоенные годы, а Коля Угрюмцев – в «лихие 1990-е».

Но эти герои лишь предвосхищают появление настоящего «профессионала» стукачества – Сергея Сергеевича, отца музыканта Максима Квинты, по прозвищу Батя (намёк на авторитет в криминальной среде). Его внешняя привлекательность («стареющий, но все еще сильный, крупный мужчина»; «у него хорошая, широкая улыбка» [7, с. 212]) и мно-

жество «друзей по жизни», с которыми он необыкновенно дружен, очаровывают окружающих. Сын пытается подражать отцу, восхищается его товарищескими связями и огромной географией путешествий: «Я спросил его, откуда у тебя столько друзей. Батя только пожал плечами – *друзья по жизни!* Он так и сказал... <...> не по работе друзья, не по институту. Не по пенсии, мать их... По жизни» [7, с. 163]. Переломным моментом произведения становится признание Бати в умышленном доностве на всех этих людей, которых было очень много «для одной человеческой памяти» [7, с. 280]. Инфернальная зловещесть этой сцены, от которой «тянет потусторонним холодом» [2], подкрепляется внешними факторами – постоянно гаснущим или мигающим светом в вечернем полуподвале-студии, где разоблачение героя происходит в кромешной темноте.

Сюжетную линию этого персонажа можно связать с темой двойничества или сделки с дьяволом, что отсылает к произведениям Гёте, Гофмана, Гоголя Достоевского, Брюсова и др. В работе Т. Котельниковой на примере произведения «Вечер накануне Ивана Купалы» выявлена своеобразная схема сделки героя с потусторонними злыми силами: «Герой, стремящийся к обретению любви (как вариант может возникать стремление к обогащению или власти) → контакт с представителем тёмных сил → необходимость принести в жертву невинное существо → сумасшествие → гибель» [5, с. 24–25]. Подобный алгоритм «продажи» души реализован и в жизни Бати: он пытается занять высокое положение на работе, что равносильно желанию власти; работу стукача и связи со спецслужбами можно рассматривать как ситуацию «продажи» души; люди, по его вине отосланные в сибирские тюрьмы и отсидевшие срок, являются невинными жертвами его стукачества; наконец, пострадавшие «друзья по жизни» начинают преследовать Батю в мыслях и в воспоминаниях, что приводит к его сумасшествию (блуждания по ночной К-студии).

Становится очевидным, что сам «палач» стал «жертвой», о чём свидетельствует его одиночество, беспокойство и неудовлетворенность прожитыми годами: «В его голосе скользнула горечь. За сына. За неудачу...» [7, с. 242]. Чувство досады, зависти, озлобленности продиктовано своего рода устроенностью физически и морально искалеченных сибирских «друзей по жизни». Так, Илья Рогожин стал успешным и состоятельным бизнесменом; у инженера Алексея Звоницына большой уютный дом и красивая жена Галя «со смеющимися глазами»; у филолога Николая Буянова «чудесная семья»; Ярцев Марлен Иванович гордится своим сыном, который в честь своего отца назвал дорогой магазин алкоголя в Москве и т. д. Становится понятно, что каждая «жертва» стукача Бати нашла силы не только жить дальше, но и простить своего обидчика, то есть они смогли «преодолеть негативный аффект (такой как негодование), негативное познание (такое как резкие суждения) и негативное поведение (такое как поиск мести) к причинившему ущерб лицу и заме-

нить его более положительными аффектом, познанием и поведением в отношении его/её» [11, с. 200]. На наш взгляд, писатель показывает необходимость поддержки личности со стороны семьи, ведь именно такая поддержка и помощь, неоднократно подчёркиваемая Маканиным в тексте, позволила продемонстрировать героям широту своей души и найти силы простить.

Стукач-обидчик Батя, согласно мифологическому сюжету сделки с дьяволом обречён на гибель. Так, в отличие от своих сибирских «друзей» его сын Максим Квинта привык жить в качестве приживальщика и альфонса, а у самого Бати финансовые трудности: «А от меня, Оля, пока что ничего... Извини... Ты уж подожди. Я пока что не при деньгах» [7, с. 247]. Как оказалось, кроме «жертвоващицей», у героя не остаётся настоящих друзей: «У меня друзей – вся Сибирь. А в Москве и переночевать при случае негде» [7, с. 246], а накопившийся тяжёлый груз души проще раскрыть незнакомым людям – несостоявшейся невестке Ольге и её сестре Инне. Закономерно, что мотивы predetermined «невстречи», «несвадьбы», а возможно, и «непрощения» (ему стыдно рассказать сыну о сибирских «друзьях») преследуют Батю, который, будучи далёким от христианского покаяния, находит оправдания своим злодеяниям в сухой формулировке – «работа такая» [7, с. 300].

Система ценностей антигероя всегда искажена, как утверждает И. Смаглий в статье «Герой – антигерой в поэзии Светланы Йовенко: мифологический дискурс». Образ антагониста «актуализируется с по-

мощью оппозиций: борец – приспособленец, защитник – убийца, художник по призванию – художник во имя наживы» [12, с. 299], из чего можно сделать вывод, что расчет и трезвый рационализм являются неотъемлемой частью образа антигероя-стукача.

Таким образом, доносительство в романе «Две сестры и Кандинский» можно интерпретировать как одно из проявлений достоевского «подполья», охватившее все сферы жизни общества и ставшее нормой существования в советское, а как показал писатель, и в постсоветское время. Замечания героев, что во времена СССР «информаторов были тыщи» [7, с. 105], а в 1990-е годы «все <стукачи> перебрались в Москву» [7, с. 307], не только актуализируют социально-политический модус прозы Маканина 2000-х годов, но и выносят на первый план аксиологические и нравственно-этические проблемы. Маканин представляет *типологию героев-стукачей разных поколений*: профессионально составленные акты-наводки (Батя), необдуманные клеветы (Артём Константа) или случайные разоблачения (Коля Угрюмцев), а их встречи и диалоги позволяют показать «диспут двух поколений, и обнаружить их удивительное братское объединение в стукачестве – некоей константе советского прошлого и “нового” времени» [9, с. 164-163]. Каждый из этих героев понёс заслуженное наказание, а их жертвы, нашедшие силы простить, получают возможность обретения счастья. Именно по принципу *наличие – отсутствие дома* (как сакрального места) противопоставлены стукачи и их жертвы, являющимся неким психологическим маркером их внутренней гармонии.

Список литературы:

1. Бавильский Д. Вишневое варенье / Д. Бавильский // Частный корреспондент. – 14.05.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/vishnevoe_varene_23276 (дата обращения: 13.12.2018)
2. Данилова Е. Друзья по смерти // Огонёк. – 2011 – №18 (5177). – 4 мая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1633843> (дата обращения: 26.12.2018)
3. Иванова Н.Б. «Самодонос интеллигенции» и время кавычек // Знамя. – 2011. – № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/7/iv17.html> (дата обращения: 17.12.2018)
4. Калашникова О.Л. «Две сестры и Кандинский» в индивидуально-авторском сверткесте В. Маканина // Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки. – 2018. – № 1 (52). – С. 10–15.
5. Котельникова Т.Г. Мотив сделки с нечистой силой как структурная основа двойничества в творчестве Ф. Достоевского: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2007. – 27 с.
6. Кучерская М. Разменная вина. Интервью с писателем // Ведомости. – 2011. – сентябрь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://makanin.com/razmennaya-vina-2/> (дата обращения: 05.01.2019)
7. Маканин В.С. Две сестры и Кандинский. – М. : Эксмо, 2011. – 320 с.
8. Нехамкин В.А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. – 2014. – Том 7, №2. – 63–79.
9. Перинец Е.Ю. «Московский текст» в романном творчестве В.С. Маканина : дис. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 2014. – 203 с.
10. Перинец Е.Ю. Чеховский код в романе В. Маканина «Две сестры и Кандинский» // Молодой ученый. – 2018. – № 11 (63). – С. 728–731.
11. Печин Ю.В. Становление и развитие психологии прощения в США: краткий обзор // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». – 2014. Том 6, № 4. – С. 194–206.
12. Смаглий І. Герой – антигерой в поезії Світлани Йовенко: міфологічний дискурс // Проблеми сучасного літературознавства: зб. наук. праць. – Одеса, 2014. – Вип. 19. – С. 293–300.